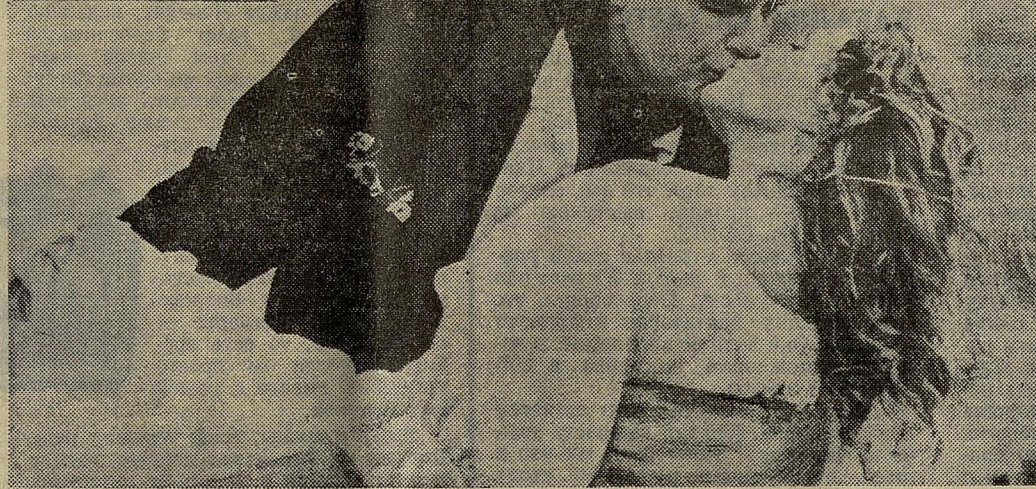
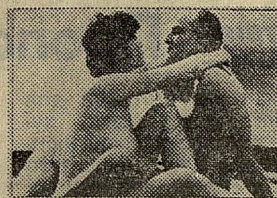

«ШТЕРН», ГАМБУРГ.

КОГДА я приехал к Уильямсу, он извинился передо мной, что туалет засорен. И я предложил его отремонтировать. Потом примерно час мы беседовали, и Теннесси Уильямс позвонил Казану, чтобы тот дал мне эту роль. Своему агенту драматург писал: «Сначала мне совсем не пришло в голову, какие бы имело преимущества дать эту роль такому молодому актеру. В результате Стэнли становится более человечным, ибо у него жестокость и бесчувственность молодости, а не озлобленность более взрослого человека. В дополнение к своему дарованию как актера Брандо располагает еще физической привлекательностью и чувственностью по меньшей мере в той же степени, как и Берт Ланкастер».

Премьера состоялась 3 декабря 1947 года в театре Этель Барримор на нью-йоркском Бродвее. После нее мы, актеры, стали лихорадочно ждать отзывов. Сначала прочитали «Нью-Йорк таймс», скоро за ней последо-

Марлон Брандо с Фэй Данауэй в новом, только что снятом фильме «Дон Жуан де Марко и Центр-фолд». Он же с Марией Шнайдер в ленте «Последнее танго в Париже». Фото «Пари-матч», Париж.

Я велел ей оставить меня в покое. И после этого уже не видел Марию никогда, хотя после моего переезда в Лос-Анджелес она и прислала мне открытку, в которой желала всего хорошего.

В 1953 году я играл главную роль в фильме «Дикий», в котором банда мотоциклистов терроризирует маленький калифорнийский городок. Съемки доставляли мне большое удовольствие, но большой резонанс фильма просто поразил. Джинсы и кожаные куртки, ко-

которые были на актерах в фильме, неожиданно стали символом бунта. На съемках об этом никто и не думал, но молодежи уже тогда требовалось лишь повод, причем все равно какой, чтобы выступить с протестом. Случайно я оказался на нужном месте в нужное время.

Роль Джонни соответствовала мне больше, чем большинство других моих ролей. Вероятно, поэтому я наполнил ее большим чувством, сделав более симпатичной, чем предусматривалось сценарием. По-моему, Джонни избрал агрессивный стиль жизни, потому что был обижен и в детстве видел мало любви. Внутренне он мягок и раним, а своей жесткой манерой поведения лишь пытается создать о себе обманчивое впечатление. В картине есть место, где он ворчит: «Я никому не позволю мне приказывать». Именно это и я ощущал всю свою жизнь.

Первый «Оскар»

ЗА ИСПОЛНЕНИЕ роли бывшего профессионального боксера Терри Маллоу в фильме «В порту» я в 1955 году получил своего первого «Оскара». Я никогда не думал, что результат важнее самой работы. Помню, как я размышлял, идти ли на церемонию вообще и надо ли в этом случае надеть смокинг. Тогда я подумал: «Если меня хотят поблагодарить, то, вероятно, это для кого-то важно. Почему же мне не пойти?» С тех пор, однако, мое отношение к наградам очень изменилось, и больше я ни одной не приму, это не означает, впрочем, что я не обращаю никакого внимания на признание.

В 1953 году в Калифорнии умирала моя мать, я сидел у ее постели в больнице Пасадины и держал за руку. Ей было всего 55 лет. Когда она наскоро закрыла глаза, я отрезал себе ее локон, взял подушку, на которой покоилась ее голова, и очень красивое кольцо с аквамарином с ее пальца.

Было весеннее утро, и все в природе казалось мне исполненным материнского духа: птицы, деревья, цветы и особенно ветер. У матери я научился любви к природе и животным, к ночному небу и земле. Я чувствовал, что она со мной. У меня вдруг явилось видение большой птицы, которая поднимается все выше и выше в воздух.

Кольцо матери я всегда ношу с собой. Долгое время после ее смерти камень еще мерцал глубоким синим светом, но в последнее время краски заметно поблекли. Камень стал туманным, дымчато-серым. Не знаю, почему.

Съемки фильма «Мятеж на «Баунти» в начале 60-х годов стали самым прекрасным временем в моей жизни. Большинство сцен снималось на воссозданном корабле «Баунти», стоявшем на якоре у побережья Таити. Как только режиссер в конце рабочего дня в последний раз кричал «снято», я сбрасывал британскую военно-морскую форму и прямо с судна прыгал в залив, где уже плавали таитянские статисты. Частенько мы снимали в день только две-три сцены, так что я часами мог наслаждаться их обществом. Они нравились мне тем, что любили жизнь.

Однажды во время перерыва в съемках я вместе с одним из них поднялся на самую высокую гору острова. С вершины он показал мне на морскую даль: «Видишь остров в той стороне?»

Я ничего не видел. «Ты не видишь маленький остров? Он называется Тетиароа. Действи-

нит, никто более не видит в тебе человека, которым ты являешься на самом деле, а всего лишь миф, придуманный людьми. И миф этот никогда не соответствует действительности.

В Нью-Йорке у меня часто раздавались анонимные звонки. Я снимал трубку, говорил «алло», но на другом конце провода раздавались гудки. Минуты через две звонок раздавался вновь, и кто-то молча слушал, как я в очередной раз вопрошал: «Почему же вы ничего не говорите?»

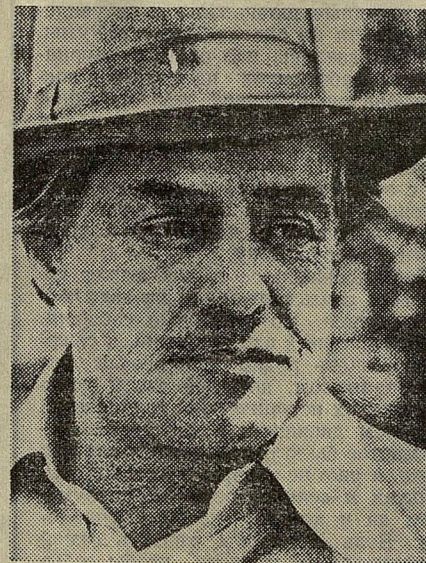
Через три месяца звонивший дал о себе знать. Это была девушка с тихим испуганным голосом, которая призналась, что уже не один год думает обо мне, с премьеры «Трамвая «Желание» на Бродвее. Ее комната оклеена моими театральными афишами и плакатами, и каждую ночь она разговаривает с моей фотографией, лежащей у нее под подушкой. Она сказала, что так любит меня, что хочет съесть.

Я пригласил ее к себе. Ей оказалось лет двадцать, и, вероятно, она была итальянкой. Во всяком случае, у нее была большая грудь, и вообще она оказалась довольно миленькой. Назвала она себя Марией.

При встрече она спросила: «Можно мне вымыть ваши ноги?»

Некоторое время я пораженно молчал, а потом вымолвил: «Зачем?»

«Просто так. Не знаю, почему».

Крестный отец.

С этими словами она пошла на кухню, налила большой таз воды и начала мыть мне ноги. Я был поражен, несколько испуган и, к несчастью, еще и немножко возбужден. Но из любопытства мне хотелось знать, как далеко она зайдет.

Мария вымыла мне ноги, а затем с любовью вытерла их своими волосами. Должен признать, мне было приятно. Вероятно, она представляла себе, что я Иисус, а она Мария Магдалина. Потом она села ко мне на постель, и я больше не мог сдерживаться.

После я ощущал угрызения совести. Я соблазнил девушку, которая считала меня Иисусом. Вновь я увидел Марию через несколько месяцев, когда в сопровождении очередной женщины шел домой. Она явно ждала меня. Тогда еще не вошло в моду стрелять в знаменитостей, так что, увидев ее, я не беспокоился. Она шла рядом со мной и говорила: «Эта поганка не может за тобой как следует приглядеть. Я единственный человек, который знает, как...»

лодий, мы разговорились. Однажды ночью я набрал ее номер и сказал: «Я немедленно хочу тебя видеть. Если тебе придет в голову причина, по которой мне не следует приходить, — может быть, ты этого просто не хочешь, тогда скажи сразу».

Она пригласила меня к себе, и скоро сбылись мои самые смелые мечты.

Вплоть до самой ее смерти в 1962 году мы встречались снова и снова. Часто она мне звонила, и мы беседовали часами. Последний раз мы говорили с ней за два-три дня до ее смерти. Мэрилин позвонила мне из дому и пригласила поужинать. Мне пришлось отказаться, поскольку уже договорился о другой встрече.

Во время разговора я не заметил никаких признаков депрессии и никаких намеков на то, что она намерена совершить самоубийство. Поэтому не сомневаюсь, что она не покончила с собой. Возможно, она умерла от слишком большой дозы успокаивающих средств. Но я все же всегда считал, что ее убили.

Все заработанное мной на бродвейской пьесе «Трамвай «Желание» я передал отцу, который выдавал мне отсюда карманные деньги, оплачивал мое жилье, остальное же он откладывал. Деньги для меня были менее важны, чем нечто другое: после каждого спектакля меня ожидали семь-восемь девушек. Из них я выбирал себе одну на ночь. Для 24-летнего юноши, с готовностью следовавшего за желаниями плоти, это был рай на земле: я веселился на вечеринках, танцевал и занимался любовью со всеми женщинами подряд.

Иногда я творил нечто совершенно сумасшедшее. Живя на 11-м этаже многоквартирного дома в Манхэттене, однажды ночью устроил пирушку, на которой все скоро напилось до бесчувствия. Тут, подойдя к окну, я сказал: «Ненавижу людей, и жизнь мне опостыла». Затем перевалился через подоконник и исчез в темноте.

Конечно, я не упал вниз, а, стоя на выступе, прижился к стене, держась за подоконник. Неожиданно я отпустил руки, и мои гости в комнате вскрикнули от ужаса, думая, что я падаю, но я перебрался к балюстраде.

Одна из девушек наконец закричала: «Ну отпусти же руки, мне лично все равно». Я бросил взгляд вниз, и у меня перехватило дыхание. Смеясь, я забрался в комнату. Конечно, это безумие, но после пары стаканов спиртного я всегда становился отчаянно смелым.

Издержки славы

СЛАВА, пришедшая с «Трамваем «Желание», всегда была для меня чем-то вроде проклятия. Получив известность, я более не мог оставаться парнем из Либертивиллы в Иллинойсе. Люди стали меняться по отношению ко мне. Даже отец начал называть меня «Марлоном», что изрядно меня сердило. До тех пор он говорил мне только «Бад», как и остальные члены семьи. Как только становишься знаме-

вали и другие газеты. Мы смогли расслабиться: успех был полным.

Мои критики считали, что, изображая бесчувственного и жестокого Стэнли Ковальского, я играл самого себя. Другими словами: постановка имела успех, потому что Стэнли Ковальским был я. С тех пор в своей жизни я видел немало таких Ковальских — немногословных, состоящих из одних мускулов, агрессивных эгоистов, для которых имеют значение только их собственные желания. Они никогда в себе не сомневаются и действуют инстинктивно.

Но я таким не был. Прав был тот критик, который написал, что эту роль мне дали по ошибке. Я был полной противоположностью Стэнли Ковальского. Но я играл его шесть раз в неделю вечером и два раза днем: мне приходилось рычать, кричать, бить посуду, ломать мебель, стучать кулаками по стене. И поскольку как Стэнли Ковальский я не хотел провалиться, то каждый раз заставлял себя играть роль как можно лучше. Эмоционально это так изматывало, что через несколько недель я больше не хотел продолжать ее играть.

«Трамвай «Желание» в 1951 году стал моим вторым фильмом. Хотя цензоры сделали историю, рассказанную Теннесси Уильямсом более безобидной, чем она была, фильм понравился мне больше, чем пьеса. Для съемок из Англии прилетела Вивьен Ли. По моему мнению, она была совершенно идеальной исполнительницей на эту роль, поскольку во многих отношениях сама была Бланш. Она не только отличалась незабываемой красотой, да и вообще была одной из величайших красавиц киноэпохи, однако ей была свойственна и ранимость. Но она утратила чувство собственного достоинства и спала чуть ли не со всеми мужчинами, которые попадались на ее пути. Это сказывалось не только психически, но в конечном счете и физически. Я, вероятно, тоже попытал бы у нее счастья, если бы не Лоренс Оливье. Не сомневаюсь, он знал, что она ложится в постель с другими, но, как и многие мужья, с которыми я был знаком, делал вид, что ничего не замечает. Я слишком его любил, чтобы портить с ним отношения.

Мэрилин

С МЭРИЛИН МОНРО я встретился в начале 50-х годов на одной вечеринке в Нью-Йорке. В то время как другие пили и танцевали, она неприметно сидела в уголке, брэнча на роле. В это время кто-то хлопнул меня по плечу, я повернулся и локтем задел Мэрилин по подбородку.

«Очень сожалею, — извинился я, — это случайно».

Она посмотрела на меня и сказала: «Случайно ничего не бывает».

Я подсел к ней: «Дай-ка я покажу тебе, как надо играть на роле. То, что ты делаешь, гроша ломаного не стоит».

После того как я сыграл пару минут (Окончание. Начало см. в № 6).

За рубежом. — 1995 — 17-23

Марлон Брандо:

февр. — с. 12-13

«Моя грешная жизнь»

тельно, на расстоянии почти в пятьдесят километров я разглядел будто проведенную карандашом тонкую черту на горизонте.

С тех пор Тетиароа больше не выходил у меня из головы. Окончив работу над фильмом, мы отправились туда. Приблизившись, я увидел, что тонкая полоска земли намного больше, нежели я думал. Он, собственно, состоял из нескольких островов: это был коралловый атолл, охвативший более дюжины островов на территории в 600 гектаров. Самый большой имел широкую лагуну в форме полумесяца, на берегу которой кокосовые пальмы бросали тень на широкие песчаные пляжи. Кристально чистая вода имела намного больше синих оттенков, чем я когда-либо мог себе вообразить, — бирюзовый, индиго, кобальтовый, чернильно-синий, ультрамариновый.

Пока я любовался этой игрой красок, множество безупречно белых облаков проплыли надо мной, как на параде. Их тень ненадолго упала на остров, потом они исчезли, и солнце вновь засияло над лагуной. То было волшебное мгновение.

Я — островитянин

СПУСТЯ пару лет я купил Тетиароа. Там, на своем острове, среди тайтан, я пережил самые счастливые мно-

более нескольких минут. У меня было слишком много любовных приключений, но в остальном только проблемы, которых хватило бы и на 50 мужчин.

Если я плохо рассчитывал время, то две мои подружки сталкивались у моих дверей. Помню, как однажды я просто сбежал из дому, потому что там неожиданно встретились две мои любовницы. «Марлон, — подумал я, — ты взрослый мужик, а прячешься, как мальчишка, просто смешно!»

«Крестный отец»

и мафия

КОГДА Марио Пьюзо в 1970 году прислал мне сценарий «Крестного отца», я прочитал не только рукопись, но и сам роман и остался в восторге. Фрэнсис Коппола хотел дать мне главную роль — главы нью-йоркского мафиозного клана Дона Вито Корлеоне. Я сомневался, смогу ли вообще сыграть итальянца. Для этого дома наложил грим, засунул за щеки бумажные носовые платки и поработал над образом перед зеркалом, а потом и перед телемонитором. Только тогда у меня появилось наконец чувство, что я смогу убедительно сыграть эту роль.

Я задался целью, возможно, впервые в истории кино, сыграть гансте-

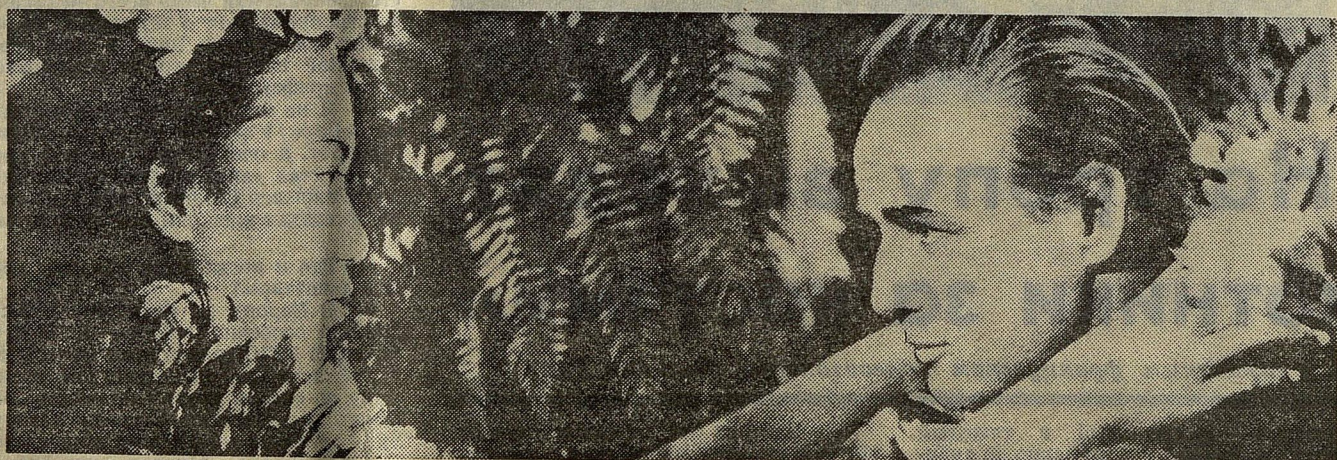
его на их костюмы. В «Крестном отце» я расклеивал карточки с текстом повсюду — на своих манжетах, на лубом реквизите. Позже я отказался от записок и наговаривал текст на магнитофон, закрепленный у меня на спине. Я слушал текст через маленькие наушники: зрители ничего не замечали.

Непонятное танго в Париже

В «ПОСЛЕДНЕМ танго в Париже», который последовал в 1972 году непосредственно за «Крестным отцом», я играл только что овдовевшего американца Пола, с головой окунающегося в странное приключение с французской Жанной (Мария Шнайдер). Бернардо Бертолуччи «подгонял» сюжет специально под нас.

Режиссер хотел, чтобы я играл себя самого, представив Пола таким, будто это мое собственное зеркальное отражение. Поскольку Бернардо слабо знал английский, я написал практически все сцены и диалоги.

Я и поныне не знаю, о чем, собственно, шла речь в картине «Последнее танго в Париже». Насколько я могу судить, Бернардо во время съемок тоже многого не понимал. Но после премьеры заговорили, что он вроде

Кадр из фильма «Мятеж на «Баунти».

вения. Поначалу, во время съемок «Мятежа на «Баунти», я был еще настолько глуп, что верил, что смогу помочь живущим там людям своими деньгами. Скоро я понял, что мне нечего им дать — это они дали мне все.

Весной 1965 года я посетил в Аризоне индейскую резервацию племени навахо, где познакомился с одной старой знахаркой и попросил ее что-нибудь обо мне рассказать. Она согласилась, запустила руку в корзину с цветами и посыпала мне голову и плечи желтыми васильками.

Она сказала, что алкоголь играет в моей жизни не последнюю роль и в меня, вероятно, попадет молния. В тот же момент меня пронзил электрический разряд, заставив меня вздрогнуть.

«Твои родители умерли», — сказала знахарка.

«Нет, — возразил я, — только мать, а отец еще жив». Несколько минут спустя меня позвали в контору резервации к телефону. Звонила одна из моих сестер, которая сообщила, что наш отец только что скончался.

Когда же следующей ночью я медленно погрузился в сон, мне представило видение. Отец удалялся от меня, потом обернулся и взглянул на меня с легкой улыбкой на лице. Подойдя к краю вечности, он сказал: «Я сделал все, что мог, дитя мое».

В 1966 году в Уте я снимался в вестерне «Юго-запад после Соноры». Навестить меня приехала подружка Лиза, нью-йоркский дизайнер. Гонимая мотоциклом по пустыне, мы наткнулись на обгоревшие останки целого стада коров. Жутковатое зрелище. Позже я подумал, что они, должно быть, стали жертвами радиоактивного облака, принесенного сюда с атомного полигона в Неваде.

Мы проехали еще пару миль, и мне пришла в голову идея, что пустыня просто идеально подходит для занятий любовью. На выжженной голый поверхности, с чуть розоватыми холмами на горизонте, опьяненные любовью, мы чувствовали себя, как на Луне.

В самый ответственный момент земля задрожала. Казалось, под нами сработал миллион тонн взрывчатки. «Вот это оргазм!» — подумал я. — Просто волшебство! Посреди пустыни я умру от любви! Вскоре последовал мощный гром. Начиналось землетрясение.

С женщинами мне всегда везло. В моей жизни их было слишком много, хотя едва ли хоть с одной я провел

ра, совсем не похожего на обычного злодея. Скорее он должен быть в некотором роде героем, представляющим благосостояние, традиции и достоинство, умеющим защитить себя и свою семью в преступном мире.

С самого начала настоящая мафия проявляла к нашему проекту интерес. Ведь большая часть фильма снималась в ее районе — в нью-йоркской «малой Италии». Поэтому вскоре она прислала делегацию, удостоверившуюся, что слово «мафия» в фильме ни разу не упоминается. Вместе с некоторыми другими условиями это и было предпосылкой для ее лояльного отношения.

Во время съемок Джо Буфалино прислал ко мне двух людей, сообщивших, что босс хочет меня видеть. Один из них был человек с крысиным лицом, в пальто из верблюжьей шерсти, другой одет менее элегантно, зато отличался огромным ростом.

Встретившись с Буфалино, я прежде всего обратил внимание, что у него один глаз смотрел налево, а другой — направо. Не зная, куда смотреть, я попеременно глядел то на один, то на другой. Усевшись, он стал жаловаться на плохое отношение к нему американского правительства. Он уверял меня, что он хороший американец, заботливый отец семейства, а правительство пытается его выслать. Беспомощно разведя руками, он говорил: «Что же я должен делать?»

Ответа я не знал, поэтому ничего не сказал. Затем он сменил тему, прошептал хриплым голосом: «Я слышал, они предпочитают Каламари...» К этому он разговорчески добавил: «Знаете, Марлон, я был бы рад представить вам жену. Втроем мы могли бы когда-нибудь поужинать».

«Мистер Буфалино...»

Он махнул рукой: «Называйте меня Джо».

«Ладно, Джо, — сказал я, — вы уже видели этот сценарий?» Я показал его, перелистав несколько страниц. «Джо, это материал лишь на сегодня, текст я должен еще выучить, что вовсе не так легко...»

Буфалино выглядел разочарованным. «Хорошо, — сказал он и поднялся, — может, мы сможем когда-нибудь вместе отобедать».

Что касается заучивания текста роли, то я уже давно придумал метод, позволяющий экономить время: на съемках я считываю реплики с записок. В некоторых картинах я писал текст, конечно, если никто не возражал, на лбу коллег или прикреплял

сказал то-то и то-то, а возможно, и совсем другое. Я думаю, что в фильме речь идет о многом — возможно, когда-нибудь я буду знать, о чем именно.

Летом 1976 года я отправился на Филиппины, чтобы в фильме «Апокалипсис сегодня», рассказавшем правду о Вьетнаме, сыграть мифического полковника Куртца. Фрэнсис Коппола был то подавлен, то излишне суетился, потому что еще не знал, каким будет конец у его фильма. Ведь у сценария было лишь отдаленное сходство с лежавшим в его основе романом Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

Сценарий рисовал Куртца как разложившегося субъекта, толстого аморального пьяницу — клише, известное по многим фильмам. Я же, напротив, заявил Фрэнсису, что в действительности этот Куртц просто символическая фигура. «Постарайтесь, — советовал я ему, — чтобы он в основном таинственным образом действовал издалека, существуя практически лишь в нашей фантазии».

Я предложил Фрэнсису переписать сценарий, опираясь на роман, и он согласился. Десять дней я переделывал свою роль заново. Так как Джозеф Конрад пишет о голове Куртца, что она «просто впечатляюще голая», то я побрил голову, оделся во все черное и попросил оператора снимать меня в причудливом свете, говоря в то же время из полутьмы почти беззвучным голосом.

Предсмертный монолог Куртца я тоже заново переписал. Он длился три четверти часа. Я импровизировал, смеялся, плакал. Сильнее я, вероятно, никогда не вживался в роль. Это одна из лучших сцен, какие я когда-либо сыграл.

Фрэнсис Коппола снимал ее дважды, но в фильме из этого материала почти ничего не осталось. Я и сам никогда свой монолог полностью так и не увидел.

У этой истории нет конца. Я бы охотно вам его рассказал, если бы знал его сам. Как и раньше, я остаюсь для самого себя загадкой. Обычно я полностью успокаиваюсь, когда представляю себе, как ночью, обдуваемый мягким ветерком, сижу на своем острове. Я слежу за мерцающими звездами на небе и жду ту призрачную полоску света, которая ширится над черным горизонтом, вновь и вновь вызывая у меня удивление. Я больше не протягиваю к ней руку, но никогда не устаю ожидать следующего чуда.